
Часть 1

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ ПРИКАЗ

Глава 1

ЦАРЕВНА СОФЬЯ

Сбросив с себя одеяло, Софья Алексеевна прошлепала босыми ногами к зеркалу. Почувствовала, как бесстыдником прошелся по икрам стылый ветер, беззастенчиво погладив разнеженную от тепла кожу. Зябко поежилась.

Зеркало, купленное еще государем Алексеем Михайловичем в подарок матушке, стояло на специальной подставке и было умело вправлено в резную дубовую раму, покрытую сусальным золотом. Покои царевны, и без того праздные, становились еще более изысканными.

Тощий старый швейцарец, продававший тогда в Немецкой слободе зеркала, утверждал, что доставлено оно было из Константинополя. Поверхность слегка потемнела от времени. Изъян особенно проявлялся в самом центре полотна, и Софье Алексеевне всякий раз приходилось немного отодвигаться в сторону, чтобы рассмотреть свое изображение.

Вскинув круглый подбородок, Софья с унынием отметила перемены, произошедшие за год: под шеей вдруг образовалась долгая глубокая морщина, ис-

кривляясь, она залезала на подбородок и рассекала щеку на две неровные части; веки потяжелели, как если бы налились свинцом, и приобрели темноватый цвет.

Невесело вздохнула.

У Софьи Алексеевны была крупная голова, очень напоминающая чугунок. Над верхней губой проступали редкие жесткие волосы. Тело было коротким, необъятной толщины. Приподняв сорочку, царевна посмотрела на свои ноги, торчавшие будто свиные обрубки. «Господи, — невольно поморщилась она, — и уродилась же такая краса!»

Взяв большой костяной гребень, Софья Алексеевна запустила его в спутанные волосья и едва не застонала от боли.

Интересно, где сейчас князь Василий Голицын?

Думы о князе просветлили лицо женщины, сделал его значительно милее. Пухлые щеки дрогнули в едва заметной улыбке, когда она вспомнила прикосновение его ласковых и одновременно сильных рук.

Челядь знала царевну Софью властной женщиной, лишенной каких бы то ни было душевных проявлений, и наверняка они очень бы удивились, узнав о том, что за слова государыня шепчет Василию Голицыну, оставаясь с ним наедине.

Повернув голову, Софья Алексеевна заметила на правой щеке небольшой прыщик, потеряла его пальцем. Следует показаться лекарям, а то раздует в поллица, тогда к боярам не выйти. Царевна болезненно поморщилась, когда подумала о том, что в сей момент князь наслаждается ласками благоверной, и,

вкладывая в голос весь свой гнев, подступивший к горлу, закричала:

— Пелагея!

На крик в покои вбежала худенькая боярышня.

— Я здесь, матушка.

— Где тебя носит?!

Взглянув на царевну, стоявшую в одном исподнем перед зеркалом, Пелагея невольно прикрыла лицо ладошкой, стараясь не шибко пялиться на срамоту.

— Ну, чего рот раззявила? Сорочку помощи надеть!

— Сейчас, матушка, — подскочила боярышня. — Вы вот рученьку сюда в рукав. Вот так, матушка.

Надев третью сорочку, Софья Алексеевна невольно фыркнула:

— Что, не нравятся мои телеса?

— Матушка, Софья Алексеевна, да как вы можете такое говорить! — яростно запротестовала боярышня, всплеснув для пущей убедительности руками.

Царевна лишь вздохнула:

— Да будет тебе! Мне тоже не нравится. А куда денешься? Поживешь с мое, так такое же пузо отрасли.

Губы боярышни передернулись, выдавая брезгливость. В озороватых глазах так и читалось: «Уж мое-то пузо с твоим не сравнить!»

Повертевшись перед зеркалом, царевна уныло продолжила:

— Ведь я же с малолетства хворостиной была. Батюшка меня даже жердиной называл! Не веришь... Вот и мне более не верится. А теперь во как меня раздуло! — постучала Софья Алексеевна широкими ладонями по выпирающему животу.

— Худоба всегда от болезни, матушка, — убежденно заговорила боярышня, — а гляючи на вас, так сразу видно, что вы здоровьем пышете.

— Скажешь мне тоже, — отмахнулась Софья Алексеевна, но голос у царевны размяк; умеет боярышня настроение прибавить. — Ты мне вот какой кафтан принеси, Пелагея... Серебром обшитый, с малиновыми тесемками.

— В котором вы на Пасху были? — уточнила боярышня.

— Его. Да пояс широкий с яхонтовыми камнями.

— Уже бегу, государыня, — легкой птахой упорхнула в соседнюю комнату боярышня.

Сегодня Софья не нравилась себе особенно. Лицо выглядело отечным. Государыня посуровела: что за дела, царевна проснулась, а ни одной боярыни рядышком нет! Ковш воды поднести некому!

— Лукерья... Парамоновна! — громко позвала Софья Алексеевна. — Долго мне ждать?

— Иду, государыня, иду! — послышался в сенях встревоженный голос ближней боярыни.

Сначала из-за двери слышались торопливые тяжеловатые шаги, а затем в сенях раздалось спешное дыхание, и в комнату влетела высокая боярыня в летнем кафтане с широкими рукавами. На худых плечах — меховая накидка. В противоположность государыне Лукерья Парамоновна была необыкновенно тощей. Но держалась она прямо, подпирая высокой шапкой потолок. Лицо у Лукерьи Парамоновны выглядело безликим и бледным, каким может быть только луна, затянутая дымкой облаков. Но

черные, чуть выпуклые глаза смотрели зорко, стараясь предугадать малейшее желание госпожи.

Лукерья Парамоновна была постельницей царевны: ей вменялось дежурить в опочивальне Софьи Алексеевны, подправлять подушку, подтягивать простынку, чтобы не сбивалась в складки, а уж если ноженька государыни выглядывала из-под одеяла, так ее непременно следовало укрыть. Но чаще всего обязанность боярыни заключалась в том, чтобы поднести царевне прохладного кваску да убрать поутру переполненный горшок.

Нахмутив брови, Софья Алексеевна хотела уже было отругать ближнюю боярыню, но, натолкнувшись на заискивающий взгляд, только ворчливо буркнула:

— Где же тебя носит-то?

— В горле что-то запершило, матушка, — охотно отозвалась боярыня. — Ковшик наливки клюквенной испила. Кажись, прошло. — Восторженно всплеснув руками, беззастенчиво польстила: — Какая же ты красивая, Софья Алексеевна! Век живу, а вот такой красы сроду не видывала!

За что держала царевна подле себя нерадивую боярыню, так это за откровенную лесть. Как тут не поверить сладкоголосой! Иной раз глянешь на себя в зеркало, и невольно подумается: а может, не столь дурна, как самой видится?

Но сей раз боярыня перестаралась, и в ее визгливом голосе прозвучали откровенно фальшивые интонации. Но гневиться Софье спозаранку не хотелось.

— Дуреха ты, Парамоновна, — примиритель-

но произнесла царевна. — Какая же из меня краса, ежели на правой щеке прыщ выскочил. Глянька!

Лукерья Парамоновна подалась вперед. Подслеповато прищурившись, посмотрела на лицо Софьи:

— Не видно, государыня.

— Да ты совсем слепая стала! О, как раздуть может! — надула Софья Алексеевна и без того толстые щеки.

— Да к тебе, государыня, никакая зараза не пристаёт, — поспешила убедить ближняя боярыня. — Уж как мы молимся за твое здравие!

— Хватит тебе разливаться! — прервала хвалебную речь государыня. — Давай пойдем в мыленку, авось хворь и отступит.

— Как не пройти, Софья Алексеевна? У такой красавицы все пройдет! А я еще и на восковую фигурку для верности поплюю. Все как рукой снимет.

— Да куда же это бедовая боярышня-то подевалась? — посетовала царевна. — Я ведь ее за кафтаном отправила!

— Во дворе он висит, матушка, — влетела в комнату запыхавшаяся Пелагея. — Меховой воротник молью побил. Вот как перешью, государыня, так сразу и принесу.

Софья Алексеевна нахмурилась. День не задавался: мало того, что половину ночи промаялась от бессонницы, так под утро едва не скатилась с кровати, и, не оказись рядом верной боярыни, так и ходила бы сейчас с разбитым ликом.

— Пойдем в мыленку. Не забудь настой боярышника прихватить, — напомнила государыня, — дух дурной перебивает.

— Дворовые девки уже с утра растопили печь, холодной воды натаскали.

— А нечисть разогнали?

— А то как же! — почти обиделась боярыня. — Духовник твой приходил, матушка, с утра мыленку благовонным ладаном окурил.

Откушав пирогов с маком, Софья Алексеевна в сопровождении боярынь направилась в мыленку. Поспешая впереди государыни, Лукерья Парамоновна распахнула дверь. В нос ударил запах настоявшегося многотравья. Вдохнула царевна в себя сладковатый дух, а потом изрекла, перевалившись через низкий порожек:

— Покрепче махорки будет. До самого пуза пробрало. Ну чего, девки, окостенели?! — прикрикнула она на челядь. — Помогите государыне сорочку снять.

Подле раскаленной печи стояла стоведерная бочка для мытья, до самого верха наполненная теплой водой, а к ней для пушего удобства была приставлена скамеечка. На поверхности крохотными корабликами колыхались лепестки ромашки.

Вспорхнули девки веселой потревоженной стайкой, окружили государыню, щебеча что-то веселое, и разом потянули рубаху, едва не обрывая рукава.

— Исподнюю не тяните! — прикрикнула Софья на нерадивых. — Не нагишом же мне в мыленке шастать!

Оставшись в одном нательном, просыревшем от тяжелого пара, государыня выглядела теперь еще более тучной. Туловище казалось почти необъятным, а огромные перси свисали чуть ли не до пупа, делая царевну откровенно безобразной.

Дверь в баню приоткрылась, выстужая пар, и в проеме предстала Лукерья Парамоновна. Картинно сложив руки у подбородка, громко возликовала:

— Красота-то какая неопишная, матушка! Свет еще такой не видывал!

— Да гоните в шею эту юродивую! — неожиданно прогневалась царевна.

Дверь мгновенно прикрылась, прихватив с собой заодно и клубы тяжелого пара. Царевна оглядела свои тела: «А вдруг не врет старая!» И тут же поняла, что в очередной раз попала на обыкновенную лесть.

— Пелагея! — позвала государыня.

— Да, матушка, — откликнулась боярышня, перебирая дубовые веники.

— Пороть бы вас надо, нерадивых, да уж больно жаль дурех эдаких! Ко мне бежать надо, а ты все с венником вошкаешься.

Подскочив к царевне, боярышня смиренно склонилась. И уже в который раз Софья Алексеевна позавидовала ее стройному гибкому стану.

— В чем ты виновата, девка, признавайся! — сурово допытывалась Софья.

Боярышня перепугалась не на шутку:

— Ни в чем, матушка.

— Тогда чего глаз на меня поднять не смеешь?

Боярышня приподняла красивую головку. Глаза лучились счастьем. Будет же какой-то дурень мять такую любовь ненаглядную!

— Ну чего стоишь? — нахмурилась царевна. — Зеркало носи. На красу хочу глянуть.

Колыхнув длинным подолом, девица выскочила из мыленки, впустив в помещение стылый воздух.

Мыленку Софья Алексеевна любила сызмальства. Посидишь в бочке с водицей по самое горлышко, попаришься с веничком, разопреешь как следует, и отлипнет от души всякая дурная короста. И кажется, что далее заживешь, как при папеньке с маменькой. Так же беззаботно.

Девица принесла зеркало. Софья Алексеевна отерла ладонью гладкую от пара поверхность. Толстые губы широко растянулись в располагающей улыбке.

Глянулась!

На нее смотрело румяное помолодевшее лицо. «Эх, видел бы меня сейчас князь Василий Васильевич Голицын!» — подумалось в сердцах царевне. Так нет рядышком доброго молодца.

Тело царевны девки натерли лыковыми мочалками, для крепости ополоснули колодезной водой. А потом долго мяли кожу сильными пальцами, придавая ей должную упругость.

Помывшись, Софья Алексеевна переделалась во все лучшее, зная, что в сей час в Боярской думе ее дожидается князь Василий Голицын. При мысли о дражайшем сердцу Василии Васильевиче в груди сладенько защемило. Приятно было и то, что свой родительский долг князь не забывал и, оставаясь наедине с Софьей, частенько расспрашивал о сыне.

От князя Голицына Софья Алексеевна понесла уже второго сына. Первый очень напоминал Петра, был столь же долговязым и, видимо, оттого не особенно любимым, но зато младшенький уродился в отца. Взгляд у него был смысленный, пронизательный, каким обычно взирает на собеседника Василий. Оставаясь у Софьи вечерять, он частенько брал

младшего на руки; подержит малость, подкинет разок, да и передаст мамкам, смотревшим на боярина с умилением. И Софья Алексеевна не без злой ревности думала о том, что детей, нажитых от законной супружницы, он любил значительно больше. В какой-то момент ее лицо озарилось счастьем: «Вот если бы его супруга ушла в монастырь, вот тогда бы ничто не помешало нам быть вместе».

Софья Алексеевна вошла в Думу.

От прежнего местничества остались только длинные лавки, покрытые зеленым сукном, да большой трон, на котором прежде восседал Алексей Михайлович.

У решетчатого окошка, занавешенного бархатом, сидел Василий Васильевич Голицын.

Увидев вошедшую царевну, князь поднялся, покорно склонив голову в приветствии. Русского кафтана Василий Голицын не признавал, одевался в немецкие камзолы, которые очень шли к его худошавой подтянутой фигуре. Бороды тоже не носил, предпочитал усы — тоненькие, аккуратно подстриженные.

В комнату Софья Алексеевна ступила величаво, будто бы могучий корабль в гавань. Прошелестев тонкими шелками, присела рядышком с князем, мгновенно окутав его облаком благовония. Запершило у Василия Васильевича в носу, но ничего — удержался, не чихнул.

Некоторое время полюбовники сидели молчком, едва касаясь рукавами, не потому, что нечего было сказать, а оттого, что складно на душе. Руки князя Василия Голицына покоились на коленях. Ладони у

него широкие, крепкие, красивые, на безымянном пальце — ненавистное обручальное колечко с изумрудом. Будто бы угадав мысли государыни, Василий Васильевич сжал пальцы в кулак, спрятав от взгляда Софьи кусочек золота.

— Свет мой батюшка, надежда моя, — протянула ласковым голосом Софья Алексеевна. — Я же тебя вчера ждала. Ты подумать обещал.

Пухлая рука государыни скользнула к ладони князя, а потом, словно устыдившись откровенности, остановилась, не добравшись до кончиков пальцев всего лишь на дюйм.

— Софья, мы уже говорили с тобой об этом, — устало протянул князь. — Не могу я оставить жену.

— Василий, — взмолилась царевна, — подумай, как бы мы с тобой жили счастливо, если бы были вместе...

— Мы с тобой и так вместе...

— Отправь ее в монастырь! А потом женись на мне. Государем всея Руси будешь!

— Не могу я супружницу отправить в монастырь. Пойми ты, Софья, жена она мне. Что люди на это скажут? А потом у нас ведь детишки подрастают, каково же им без матери будет?

Лицо государыни посуровело.

— А разве я тебе деток не нарожала? Разве они не твои?

Густые брови Софьи Алексеевны сомкнулись на переносице. Еще какую-то минуту назад она гляделась мягкой, как взбитая перина, а вот теперь черты разом погрубели, сделавшись почти мужскими. На

выпуклых скулах проступили крупные родинки, заросшие черными неопрятными волосами.

Теперь понятно, почему челяди она внушала такой трепет. Смотреть на нее было страшно.

— Не о том ты говоришь, Софья, — покачал головой Василий Васильевич, стараясь сгладить неловкость.

— Чем же я тебе не любя?

— Любя ты мне, Софьюшка... Только ведь мы с Евдокией в церкви венчаны. Я клятву перед богом давал. Не могу я ее нарушить.

Полное лицо царевны разом размякло.

— И мне дашь. Всяк тебя батюшкой величать будет.

Василий Васильевич вздохнул:

— Да мне и без того хлопот хватает. А потом еще это... О государстве я думаю, ведь все на мне держится, за все я отвечаю. Ежели что не так пойдет... Тут вот как-то после вечерни посол голландский за Кокуй вышел, так у него кошель пограбили с серебром да порты сняли.

— Как же это он бесштаный до дому-то дотопал? — не то посочувствовала, не то съязвила государыня.

— А вот так и дотопал! Только потом разговоров на всю Москву было. Голландцы ко мне целой толпой заявились, требовали, чтобы разбойников разыскал.

— И ты что?

— И что мне объяснить? Говорю им, стрельцов пошлю, татей непременно отыщут. А сам думаю, пусть бы порадовался, что живота не лишили, а он о пропавшем серебре кручинится. Но разве только

это! — почти в отчаянии воскликнул Василий Васильевич. — Всеми делами зараз заниматься приходится: за государством смотри, жалобщиков и всяких ябедников принимай. Все ко мне идут! Ладно, чего уж об этом... Ты вот говоришь: царем будь... Думаешь, легко это?

— Василий, я же не говорю, что легко, а только возможно, — взмолилась Софья. — Все в нашей власти. Нужен ты мне!

— А не думаешь о том, что братец твой младший подрастает? Не боишься, что может прийти время, когда он сам к тебе заявится и скажет, а не пора ли тебе, Софья, в монастырь? Дескать, вырос я уже, царем стал!

Дверь в Думу слегка приоткрылась, и в щель протиснулась остроносая физиономия ведуньи. Не далее как три дня назад она пообещала приготовить приворот на любовь, замешенный на курином помете. Государыне оставалось только впрыснуть отвар в чай Голицыну, а там дожждаться, пока он спечется и сам предложит Софье пойти под венец.

Старушечьи глаза подслеповато прищурились, пытаясь проникнуть в полумрак. Князь Голицын, распрямив спину, сидел сычом. Да и царевна пригрюнилась. Непохоже, чтобы между полюбовниками все как надо заладилось. Видать, куриный помет не столь ядреным оказался. Нужно будет на птичьем дворе подходящий подыскать.

Вздохнула старуха горестно и прикрыла за собой дверь, едва не прищемив хвост белому нахальному коту, пытавшемуся протиснуться в проем. Огромный, с пушистой шерстью, он важно прошел до се-

редины комнаты, осмотрелся величаво и, развалившись, принялся лизать под хвостом.

— Молод он еще, — отмахнулась царевна.

— Это сейчас он молод, а что будет через годик, когда баловство закончится? — засомневался князь.

— Да у него в голове только баталии одни! Вон всех гусей на озере перепугал со своей флотилией. Теперь там даже карасей не наловишь.

— Что-то в твоём братце есть, — задумчиво протянул Василий Голицын. — Если голову где-нибудь в потешных бранях не сломит, то большим государем может стать. Как-то я мимо Преображенского села проезжал, так его потешные полки в это время крепость брали. И что ты думаешь... Твой братец впереди всех бежал, а еще саблей размахивал. От прочих солдат его и не отличишь. Так ему в горячке сражения даже по уху двинули. А он только кафтан отряхнул и далее помчался. А потом на крепость стал карабкаться. Шустрый он у тебя, раньше других залез.

— И голову не свернул? — с надеждой спросила царевна.

— Не свернул... Потом на самой стене побоище учинил. Трое детей его обступили, так он их как котят расшвырял. Так что и силушкой Петр не обижен. А ведь Петр и вправду тебя с трона спихнет и с детьми твоими не посчитается.

Кот подправил помятую красоту и, выгнув спину, направился напрямик к Василию Васильевичу. Потеря белым бочком о шерстяные гольфы князя и, промурлыкав, запросился на колени. Князь осторожно отодвинул кота ногой, и тот, обиженно подняв хвост, прыгнул на руки государыни.

Вот где настоящее раздолье!

Потоптавшись на широких бедрах царевны, он вытянулся и сладко заурчал под широкой и мягкой ладонью. Короткие пальцы государыни зарылись в густую шерсть.

Царевна посуровела:

— Что же ты предлагаешь?

— Мое дело предупредить, а твое решать.

— Сама об этом думала не раз. Как-то нам избавиться от него нужно, — просто сказала Софья Алексеевна. — Если мы этого не сделаем, так он ни тебе, ни мне покоя не даст.

— Что же ты предлагаешь? Порешить его, что ли? — не сразу подобрал князь подходящее словцо.

Пальцы государыни сцепились, вырвав на загривке у кота волоски. Животное недовольно пискнуло и укоризненно взглянуло на Софью Алексеевну.

— А хоть бы и убить!

— Было у нас уже на Руси убийство, — горестно заметил князь. — До сих пор народ успокоить не можем.

— Сейчас все будет иначе, — заверила Софья. — Петр любит тушить огонь. Его легко убить во время одного из пожаров. Например, придавит горящая балка. Все будет напоминать несчастный случай.

— Если с Петром что-то случится в Москве, так тебя же первую и обвинят, Софья.

— Что же тогда нам остается? Ждать, пока он нам шею свернет? А ведь правильно ты говоришь! Так оно и будет! Мне тут сказывали, что Петр грозил мне. Говорил, что никогда стрелецкий бунт не забуду-

дет. Придет время, и он обязательно со мной поквитается.

Голицын поднял глаза на Софью. Лицо у государыни было не грубое. Ее можно даже назвать симпатичной, если бы не злые упрямые губы, что отобрали остатки очарования. От прежней девицы, которую он когда-то впервые познал в царском охотничьем доме, остались только глаза, продолжавшие смотреть на него, как и прежде, доверчиво и лукаво.

Василий Васильевич без конца сравнивал двух дорогих его сердцу женщин и неизменно отмечал, что внешностью Софья проигрывает его супруге Евдокии Ивановне Стрешневой, от которой он имел шестерых детей: четырех мальчиков и двух девочек. Тучная, лишенная напрочь какой бы то ни было осанки, царевна будто бы не шла, а перекатывалась, представляя короткие ноги.

Для князя оставалось загадкой, почему эта женщина так долго удерживала его подле себя. Василию Васильевичу было с чем сравнивать — за свою жизнь ему приходилось мять куда более обворожительные тела. Даже голос у царевны был низковатый, с заметной хрипотцой. А уж эта ее привычка жевать табак! Она просто выводила князя из себя.

И все-таки в Софье Алексеевне было немало такого, что отличало ее от прочих женщин: в первую очередь прагматичный и гибкий ум. Это с лихвой компенсировало многие физические недостатки.

Князь Голицын любил царевну. Быть может, не с такой страстью, как супругу, не отдавая ей при этом всего себя, но вместе с тем Софья занимала в его ду-

ше огромную часть, и, лишись он всего этого, так наверняка почувствовал бы себя изрядно обделенным.

Сбросив кота с колен, Софья Алексеевна потянулась к табакерке. Кот перестал ее интересовать. Взяв толстыми пальцами щепотку табака, она положила ее за щеку.

— Чем же он еще занимается, кроме баталий?

— В Немецкой слободе пропадает, там у него приятели выискались.

— Я слышала, что у Петра появилась новая привязанность.

— Это правда, — согласился Голицын; в свите Петра Алексеевича у князя были свои люди, которые докладывали ему о каждом шаге царя. — Монахом он не живет. Сейчас у него немка Анна Монс. Лет пять назад она приехала в Москву из Вены.

— Чем же она занимается?

— Ее отец продает вина, да вот еще кренделя разные. А Анна Монс при нем.

— А вино вкусное? — неожиданно спросила царевна.

— Сладкое, — кивнул Василий Васильевич. Улыбнувшись, добавил: — Вот в этом вся причина. Производство вина у них семейное дело. Много лет этим занимаются — его отец, он сам и его братья.

— Как же они в Россию-то попали?

— Однажды его брат добавил в вино сахара, чего у них нельзя делать под страхом смертной казни. Вот ему и отрубили голову.

— Ужас-то какой! — вымолвила государыня.

— Стали преследовать всю семью, он вынужден был уехать в Россию.

— А девица-то хоть хороша? — неожиданно спросила царевна, просверлив полюбовника черными глазами.

Князь Василий Голицын видел австриячку дважды. Высокая, смуглая, худощавая и столь непохожая на всех русских женщин, она невольно притягивала к себе заинтересованные мужские взгляды. Даже смотрела она иначе, чем русские бабы, — открыто, с некоторым вызовом. Московитка при разговоре очи в землю потупит, а у этой лукавство так и брызжет, как будто бы на грех подбивает. И князь не однажды ловил себя на грешных мыслях: «Сграбастать бы такую любовь да в лесок!»

Так что Петру Алексеевичу можно было даже позавидовать.

Князь делано нахмурился, стараясь не выдать распивавшего веселья нечаянной улыбкой, и проговорил, посмотрев на удаляющегося кота:

— Тошная больно. Не по мне!

Вот теперь можно было посмотреть на государыню. На лице царевны застыло удовлетворение. Не подвел полюбовничек!

— Хм... А Петру, значит, приглянулась?

Вновь Голицына одолело веселье, насилу справился: как же такая девка не понравится! Разодрал уста и смех, готовый уже было вырваться наружу, обратил в легкое покашливание.

— Кхм... Кхм, — задержал Василий Васильевич кулачок у рта. — Видать, приглянулась. А ему все бабы нравятся, — безнадежно махнул он рукой. — Ни одну мимо себя не пропускает.

— А есть среди них такие, которые могли бы Петру голову задурить? — неожиданно спросила царевна.

Всей Москве было известно, что, кроме баталлий, Петра Алексеевича интересовали девицы. В иные времена государь напоминал кабана в период гона, и для него подчас не имело значения, какая именно барышня находится рядом, какого она сословия, а то и возраста. Подхватив ее за талию, он спешил уединиться в укромном уголке. Но никто не сомневался, что предпочтение Петр отдавал немкам. Вот потому и хаживал в Кокуй.

Поговаривали, что мимо себя царь не пропускал ни одну хорошенькую чужеземку.

Однако в нескончаемой череде его любовных побед особое место занимала одна девица — дочь булочника, француженка Жаклин. Доступная и легкомысленная, она сумела надолго вскружить самодержцу голову, всякий раз выуживая у него за грешную любовь горсти золотых монет. Петр Алексеевич настолько увлекся француженкой, что порой отменял намеченные потешные баталии только для того, чтобы провести с прелестницей часок наедине.

На какое-то время в объятиях любвеобильной француженки Петр Алексеевич позабыл даже про государевы дела, охладел к своим полкам.

Через какое-то время Жаклин исчезла.

И по Москве прошел слухок, что она уехала из Москвы с заезжим немецким купцом, но у Василия Васильевича имелись серьезные основания подозревать, что любвеобильную Жаклин «кухаркины дети» закопали где-то за пределами города, дабы не сму-

щала она поносными речами Петра Алексеевича и не отваживала его от державных забот.

С того времени миновал уже почти год, но Петр Алексеевич продолжал тосковать о пропавшей Жаклин.

— Была одна француженка, — подумав, сказал князь.

— Кажется, ее звали Жаклин, — уточнила государыня.

И Василий Голицын в который раз убедился в том, что Софья Алексеевна зорко присматривала за братом. Мимо ее внимательных глаз не проскакивала ни одна его душевная привязанность. Наверняка в свите Петра Алексеевича царевна имела своих соглядатаев, которые докладывали о каждом его шаге. Недоверчивая по природе, Софья умело контролировала свою челядь. Василия Васильевича неожиданно обуял страх: а что, если и за ним следят точно так же, как и за Петром!

А вдруг к исчезновению Жаклин причастна сама царевна? Закопали стрельцы несчастную девку где-нибудь за посадами по приказу государыни, чтобы братцу досадить, а теперь она от удивления бровями водит.

Князя Голицына передернуло от дурного предчувствия. Месяц назад Василий Васильевич сошелся с красивой двадцатилетней стрелецкой вдовой из Пыжевской слободы. Грешными делами они занимались в дачном царском домике на берегу Яузы. Свою шальную и нечаянную привязанность князь скрывал от всех и всегда с нетерпением дожидался того часа, когда мог бы сполна насладиться красивым телом.

Но теперь Василий подумал, что его сердечная тайна давно уже известна царевне. Наверное, о каждом его свиданье с красивой вдовой Софье докладывают кравчие.

А что, если однажды он не застанет вдову? И при следующей встрече Софья будет недоуменно поднимать широкие брови и сетовать на скверное настроение князя? Такие женщины могут смириться с присутствием жены, но не простят очередной привязанности на стороне.

— Вот что я тебе хочу сказать, князь. Нам нужно отыскать такую же женщину, как эта Жаклин. Она была миленькой девушкой, но глуповатой.

От Василия Васильевича не укрылось то, что Софья говорила о француженке в прошедшем времени.

— А нам нужна такая, чтобы Петр от любви к ней голову потерял. А вот когда она уедет за границу, то Петр должен поволочиться за ней. — Софья сделалась задумчивой. Казалось, что ее одолевают сомнения. Широкий выпуклый лоб разделила глубокая складка — Софья Алексеевна приняла решение:

— И вот когда Петр окажется там, тогда его можно и порешить.

Последние слова царевна произнесла спокойно, как если бы ежедневно выносила приговоры.

— И какая же это должна быть девица? — спросил Голицын, стараясь не выдать своего волнения.

— Желательно, чтобы шведка, — так же просто отвечала Софья Алексеевна.

По тому, с какой интонацией царевна вела разговор, было понятно, что эта мысль пришла к ней не сейчас. Свой план Софья, конечно, вынашивала

давно, как заботливая мать созревающий плод. Вот и проговорила! А теперь решила рассказать: ну-ка, гланы, князь, что из этого может выйти!

Поободрав коготками зеленую ткань, кот расположился на широкой лавке. Еще совсем недавно на ней сиживали ближние бояре с князьями и рвали друг другу бороды за честь находиться рядом с государем всея Руси. А теперь запылившаяся лавка выглядела сиротливо и была нужна разве для того, чтобы дворцовый кот мог прилизать здесь свою красоту.

— Почему именно шведка? — не удержался от вопроса Голицын, посмотрев на государыню.

Василию Васильевичу очень хотелось прочитать на лице Софьи нечто похожее на сомнение или хотя бы увидеть душевную сумятицу, но его встретил прямой и жесткий взгляд. Теперь подле него была не женщина, стонущая под беззастенчивыми мужскими ласками, а твердая правительница земли Русской, собиравшаяся крепко держать в руках власть и не желавшая делить ее даже с братом.

— Я изучила слабости Петра, — глуховато произнесла Софья. — Внешне шведки как раз такие, каких любит мой разлюбезный братец. Но самое главное — они до сих пор не могут забыть поход моего батюшки на Ригу. Так что сумеют найти способ отыграться на русском царе!

Голицын сделался мрачным. Следовало отговорить царевну от этой затеи, но как это сделать, князь не знал.

— Что же ты предлагаешь? Отправить Петра в Стокгольм и там его убить? Но если русский царь будет умерщвлен на территории Швеции, то возникнет

политический скандал, — Голицын постарался придать своему голосу как можно больше убедительности. — Мы не сможем оставить такое преступление безнаказанным. Будет война! А у шведов сейчас самая сильная армия в Европе.

Софья улыbnулась:

— Кто тебе сказал, князь, что Петр погибнет на территории Швеции? Петра можно, например, убить в Кенигсберге или в Германии. Надо отыскать женщину, за которой он будет волочиться по всей Европе. У тебя есть на примете такая?

Сейчас Софья Алексеевна выглядела на редкость некрасивой, почти уродливой, но князь уже в который раз подумал о том, что ее блистательный ум скрыт под невыразительной оболочкой. А как известно, острый разум обращает на себя внимание не меньше, чем телесные изъяны.

И что самое скверное, царевна не могла не знать о его любовной связи, которую князь завел в Риге.

* * *

После смерти своей первой жены Федосьи Васильевны Долгорукой, чтобы хоть как-то заглушить навалившееся горе, князь Голицын напросился послом в Стокгольм для закрепления «вечного мира» со Швецией. Лучшей кандидатуры, чем он, трудно было придумать. Получивший блестящее домашнее образование князь отлично говорил по-немецки и по-гречески, превосходно знал латынь. Иностранцы, служившие в России, в лице князя Голицына видели своего единомышленника. В его доме, обстав-

ленном по последней европейской моде, они всегда могли рассчитывать на самый радушный прием.

Уже на третий день пребывания в Риге Голицын оказался за одним столом с очаровательной восемнадцатилетней графиней, сумевшей увлечь князя с первой же минуты общения. Позабыв про расставленные деликатесы, Василий Васильевич бестолково пялился на крохотную мушку на ее высокой левой груди. Ему ли не знать, человеку, выросшему на европейской культуре, что черненькая мушка, приклеенная недалеко от соска, была не чем иным, как приглашением на тайное свидание?!

Василий Голицын растерянно слушал молодую графиню и так же невпопад отвечал, думая о предстоящем randevu. И только когда она неожиданно заторопилась, кокетливо улыбнувшись на прощанье, князь шепнул, что будет с нетерпением ожидать ее в номере гостиницы.

Графиня пришла ближе к полуночи. Молодая. Таинственная. Красивая.

Голицын чуть не задушил ее в своих объятиях, когда она перешагнула его гостиничный номер.

Слегка отстранившись, графиня сдержанно произнесла с полуулыбкой:

— Князь, вы не даете мне снять корсет. Если я этого не сделаю, то это обстоятельство очень осложнит наше... дальнейшее общение.

Как ни была хитра на постельные выдумки покойная Федосья Васильевна, но до графини Корф ей было далеко. Перепоручив все свои дела окольному Адашеву, князь так и провалялся с ней в постели всю посольскую миссию. И даже уехав из Риги, дол-

го не мог позабыть гибкое и молодое тело графини Корф.

Свою встречу с графиней Василий Васильевич воспринимал как счастливый случай, подаренный ему провидением, и только много позже один из приближенных шведского короля сообщил ему о том, что молодая дама являлась лучшим агентом военного министра.

Вот такая женщина, столь же умная, как и царевна Софья, с внешностью античной богини, вполне могла всецело увлечь молодого Петра.

Вернувшись с посольством в Москву, Василий Васильевич некоторое время ходил как очумелый, не в силах разобраться в самом себе: не то от неожиданного вдовства, не то от шальной иноземной любви. Именно в сей период между ним и царевной и произошла приязнь. Испугавшись неожиданного признания государыни, князь Голицын шарахнулся в другую сторону и женился во второй раз, на Евдокии Ивановне Стрешневой, которая через год разродилась первенцем.

* * *

— Есть на примете такая женщина. Ее зовут графиня Корф, — разорвал наконец князь Голицын затянувшееся молчание. — Она проживает в Стокгольме и считается доверенной персоной самого короля.

— Что она за женщина? — по-деловому спросила Софья Алексеевна.

— Хм... Даже как-то сложно сразу сказать. Во-первых, необычайно умна, во-вторых, образованна, в-третьих, очень красива. Но самое главное — такая